

УДК 821.161
ББК 83.3(Рос.)

Н.В. Изотова

**РЕЧЕПОВЕДЕНИЕ
КАК ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ
В РАССКАЗЕ
А.П. ЧЕХОВА
«ПОПРЫГУНЬЯ»**

Речь персонажей рассказа организована в пространстве текста разными структурами, формирующими представление о миропонимании персонажей. Общение главной героини с кругом её знакомых оформлено в авторской речи в виде множественных диалогов на одну и ту же тему с персонифицированными персонажами, входящими в круг знаменитостей. Общение главной героини с Дымовым и Рябовским оформлено в виде диалогов канонической структуры, в которых представлены реальные или возможные реплики персонажей, что характерно для графического текста. Общение отражает динамику отношений Ольги Ивановны с мужем и художником. Мир персонажей представляют также одиночные, потенциальные, монологические реплики.

Ключевые слова: *общение, персонифицированный диалог, множественный диалог, одиночные реплики, монологические реплики, потенциальные реплики.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-1-12-18

Изотова Наталья Валерьяновна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-903-406-90-84
E-mail: nvizotov@yandex.ru

© Изотова Н.В., 2019.

Рассказ А.П. Чехова «Попрыгунья» был впервые опубликован в 1892 г. и относится ко второму периоду творчества А.П. Чехова. Периодизация творчества А.П. Чехова, представленная А.П. Чудаковым в работе «Поэтика Чехова», включает три хронологических среза: первый период (1880 – 1887 гг.) характеризуется преобладанием субъективного повествования; второй период (1888 – 1894 гг.) – период становления и утверждения принципа объективности повествования, в третьем (1895 – 1904 гг.) становится универсальным принцип изображения мира через конкретное воспринимающее сознание. Под объективностью как принципом творчества А.П. Чехова второго периода А.П. Чудаков понимал прежде всего изображение «в тоне» и «в духе» героев [Чудаков, 1971, с. 12 – 136]. Рассказу посвящено много исследований [Валимова, 1960; Громов, 1974; Кожевникова, 2011; Катаев, 2011; Нефёдова, 2009], но вопросу представления общения персонажей как форме, отражающей и представляющей их миропонимание, внимания не уделялось.

Рассказ начинается с предложения «На свадьбе у Ольги Ивановны были все ее друзья и добрые знакомые», которое вводит информацию о ситуации, главной героине и круге её знакомых. О женихе читатель сначала узнаёт из следующей за этим предложением отдельной реплики Ольги Ивановны, где она говорит о муже в третьем лице, не представляя его друзьям ни по имени, ни по фамилии, что уже даёт возможность читателю понять не-

значительность его роли в этом новом для него и затем не принимающем его сообществе.

« – Посмотрите на него: не правда ли, в нём что-то есть? – говорила она своим друзьям, кивая на мужа и как бы желая объяснить, почему это она вышла за простого, очень обыкновенного и ничем не замечательного человека» (с. 7).

В ремарке, вводящей реплику Ольги Ивановны, кроме глагола говорения и адресата, что является стандартным для структуры и содержания ремарки, введена информация, которая потенциально могла бы быть включена в содержание реплики, поскольку здесь с «точки зрения» Ольги Ивановны даётся не очень лестная характеристика жениха («простой», «обыкновенный», «ничем не замечательный»). Реплика в рассказе остаётся без ответа, он, видимо, и не предполагается, так как реплика обращена к множественному адресату и включена в самом начале для введения читателя в круг общения Ольги Ивановны. В конце первой части рассказа также есть безответная реплика, но она принадлежит Дымову, мужу Ольги Ивановны, которая во время свадьбы знакомит его с гостями. Сначала она бесцеремонно рассказывает всем о том, как Дымов влюбился в неё, обращает внимание гостей на его внешность и знакомит с художником Рябовским, любовницей которого она затем становится.

« –...Вы посмотрите на его лоб. Рябовский, что вы скажете об этом лбе? Дымов, мы о тебе говорим! – крикнула она мужу. – Иди сюда. Протяни свою честную руку Рябовскому... Вот так. Будьте друзьями.

Дымов, добродушно и наивно улыбаясь, протянул Рябовскому руку и сказал:

– Очень рад. Со мной кончил курс тоже некто Рябовский. Это не родственник ваш?» (с. 9).

Так заканчивается первая часть рассказа. Ответа Рябовского не последовало, диалог остался незавершённым структурно и содержательно, но для читателя эта незавершённость ещё раз подтверждает отношение круга знакомых Ольги Ивановны к Дымову, к человеку, который вряд ли достоин их общения.

В первой части, в которой описывается свадьба, кроме Ольги Ивановны, Дымова и Рябовского, вводятся также другие знакомые и друзья невесты, но названы они в основном только нарицательными именами существительными, обозначающими отношение к элите, к «не совсем обыкновенным людям», если сравнивать с доктором Дымовым. Это артист из драматического театра, оперный певец, несколько художников, виолончелист, литератор, помещик Василий Васильич. Вводя этих знакомых в авторском фрагменте текста, А.П. Чехов описывает и их общение с Ольгой Ивановной, которое представлено глаголами говорения несовершенного вида «уверять», «говорить», «сознаваться», что подчеркивает неединичность, множественность диалогов. Все они говорили Ольге Ивановне, что она лучше всех аккомпанирует, хорошо рисует, что она могла бы стать замечательной певицей, что она стройна и прекрасна. Во фрагменте круг знакомых и круг общения дан с точки зрения

Ольги Ивановны, так как в него включена её оценка друзей («подавал блестящие надежды»), вопросительные конструкции, междометия, позволяющие вводить следующих друзей в круг описания («Ещё кто? Ну, ещё Василий Васильич»), вводные компоненты («из нее, быть может, выйдет толк»). На Дымова круг Ольги Ивановны никакого внимания не обращал. Он мог бы стать объектом их внимания только в том случае, если бы принадлежал к элите.

«Впрочем, если бы он был писателем или художником, то сказали бы, что своей бородкой он напоминает Зола» (с. 8).

Уже в первой части и содержание, и структура общения персонажей представляют мир главной героини, мир, в котором для Ольги Ивановны важнее всего были знаменитости и её принадлежность к их кругу.

Далее А.П. Чехов представляет описание устройства быта Ольгой Ивановной после свадьбы и организации времяпровождения. Здесь также можно обнаружить в авторских фрагментах те компоненты, которые даны не нейтрально, а в «тоне» героя. В описание устроенного ею пространства дома включена оценка, содержащая мнение Ольги Ивановны («И все находили, что у молодых миленький уголок»), как и в описание сшитых портнихой нарядов («не платье, а мечта»). В каждодневных поездках по знакомым она просто «болтала», «хлопотала насчет билета», «приглашала к себе», играла на рояле, рисовала, лепила, принимала участие в спектаклях. Жизнь Ольги Ивановны наполнена общением с кругом знаменитостей и пустой деятельностью, но всё это важно не только для неё, но и для её круга, который всё также уверял, что она умна и талантлива. Такая жизнь продолжалась даже в другой реальности – во сне. Ольга Ивановна была занята также увеличением круга знаменитостей, при этом в конце фрагмента текста, посвящённого тому, как важны были для Ольги Ивановны знаменитости, есть вопрос, который всё-таки можно отнести к авторскому повествованию и считать вопросом, направленным к читательскому сознанию.

«Всякое новое знакомство было для неё сущим праздником. Она боготворила знаменитых людей, гордилась ими и каждую ночь видела их во сне. Она жаждала их и никак не могла утолить своей жажды. Старые уходили и забывались, приходили на смену им новые, но и к этим она скоро привыкала или разочаровывалась в них и начинала жадно искать новых и новых великих людей, находила и опять искала. Для чего?» (с. 10).

Диалогов Ольги Ивановны с мужем в рассказе всего пять. Первый диалог посвящен тому, что Ольга Ивановна считала недостатком мужа – нелюбовь Дымова к искусству (с. 10 – 11); второй диалог состоит из реплик Дымова, который рассказывает жене о том, что он порезал себе пальцы при вскрытии. Реакция Ольги Ивановны была искренней и введена только глаголом «испугалась», т. е. она почувствовала страх из-за случившегося и искренне переживала за мужа. Реакция в тексте не оформлена вербально, но Дымов понял внутреннее эмоциональное состояние жены и отреагировал на него. В этом диалоге введено обращение Дымова к жене, он называет её ласково и по-домашнему: «мама».

« – Мне не везет, мама! – сказал он однажды за обедом. – Сегодня у меня было четыре вскрытия, и я сразу два пальца порезал. И только дома я это заметил.

Ольга Ивановна испугалась. Он улыбнулся и сказал, что это пустяки и что ему часто приходится во время вскрытий делать себе порезы на руках.

– Я увлекаюсь, мама, и становлюсь растерянным.

Ольга Ивановна с тревогой ожидала трупного заражения и по ночам молилась богу, но всё обошлось благополучно» (с. 12).

Следующий диалог происходит на даче, куда Дымов приехал проведать жену и откуда ему тут же приходится ехать назад в город, так как Ольге Ивановне срочно понадобились платье и перчатки, чтобы быть в них на свадьбе у местного телеграфиста. Диалог состоит из монологической реплики Ольги Ивановны, объясняющей Дымову необходимость его отъезда, и коротких реплик Дымова, вынужденного согласиться. В третьем диалоге Ольга Ивановна, вернувшись домой с прогулки по Волге, делает попытку объяснить с мужем по поводу измены, но не решается, продолжает изменять, и скоро Дымов понимает и переживает случившееся, ничего не говоря жене. Он даже успокаивает её, когда та рыдает, понимая, что надоела Рябовскому.

После защиты диссертации Дымов сообщил жене о своём успехе и даже простил бы её, если бы она смогла понять и отреагировать, но состоявшийся по форме диалог оказался общением, в котором не было содержательной реакции жены и который не соответствовал ожиданиям Дымова.

« – Я сейчас диссертацию защищал, – сказал он, садясь и поглаживая колена.

– Защистил? – спросила Ольга Ивановна.

– Ого! – засмеялся он и вытянул шею, чтобы увидеть в зеркале лицо жены, которая продолжала стоять к нему спиной и поправлять причёску. – Ого! – повторил он. – Знаешь, очень возможно, что мне предложат приват-доцентуру по общей патологии. Этим пахнет.

Видно было по его блаженному, сияющему лицу, что если бы Ольга Ивановна поделила с ним его радость и торжество, то он простил бы ей всё, и настоящее и будущее, и всё бы забыл, но она не понимала, что значит приват-доцентура и общая патология, к тому же боялась опоздать в театр и ничего не сказала» (с. 24).

Предыдущий приведенный полностью диалог с искренней реакцией Ольги Ивановны и этот диалог, в котором она никак не отреагировала на сообщение мужа, что связано, видимо, с её увлечением Рябовским и изменением её отношения к мужу, представляют произошедшую в сознании Ольги Ивановны трансформацию семейных отношений и ценностей. Последний, пятый диалог происходит, когда Дымов понимает, что он заразился от больного дифтеритом, и просит её, не входя к нему в кабинет, послать за другом и врачом Коростылевым. Все диалоги Дымова и Ольги Ивановны единичны, они представлены как состоявшиеся

один раз на определённую тему и по содержанию, формирующемуся во фрагменте текста, отражают динамику их отношений.

Кроме диалогов с Ольгой Ивановной Дымову приписывается одинокая реплика, которую он произносит постоянно в своём доме. Когда в его доме собираются гости и по распоряжению Ольги Ивановны он приглашает их к столу, Дымов всё время произносит одну и ту же фразу: *«Пожалуйста, господа, закусят»* (с. 11; с. 24). Круг друзей и знакомых жены при этом относятся к Дымову, как и Ольга Ивановна, как к человеку, который их обслуживает, обеспечивает всем необходимым.

В доме стал бывать друг Дымова Коростылев, которого Дымов пригласил после того, как узнал об измене жены, чтобы меньше оставаться с ней наедине. Общение между собой за обедом они вели на медицинские темы. А.П. Чехов объясняет их профессиональный диалог теми изменениями, которые произошли в отношениях Дымова и Ольги Ивановны. Диалоги между ними уже стали невозможны.

«И казалось, что оба они вели медицинский разговор только для того, чтобы дать Ольге Ивановне возможность молчать, т.е. не лгать» (с. 21).

Общение Ольги Ивановны с гостями представлено множественными диалогами на одну и ту же тему, оформленными во фрагментах текста как тематическая речь, которая вводится глаголами несовершенного вида. Эти фрагменты текста представляют постоянство мира героини, мира увлечений, развлечений и веселья.

«По средам у нее бывали вечеринки. На этих вечеринках хозяйка и гости не играли в карты и не танцевали, а развлекали себя разными художествами... В промежутках между чтением, музыкой и пением говорили и спорили о литературе, театре и живописи... Гости ели и, глядя на Дымова, думали: «В самом деле, славный мальчик», но скоро забывали о нем и продолжали говорить о театре, музыке и живописи» (с. 11).

Ольга Ивановна много общается с Рябовским, их общение тоже отражает динамику их отношений: от разговоров о любви, искусстве к объяснениям по поводу нежелания Рябовского общаться с Ольгой Ивановной. В начале их романа общение представлено отдельными диалогами с определённой тематикой, они объясняются в любви, обсуждают этюды Ольги Ивановны, красивую природу, которую видят с борта парохода. Но затем отношения портятся, Рябовский начинает тяготиться Ольгой Ивановной, они обсуждают сложившуюся ситуацию, и диалоги представлены как повторяющиеся на одну и ту же тему с репликой Рябовского, содержание которой каждый раз разное и дано в авторской речи.

«После обеда Рябовский спешил проститься и уйти.

– Куда вы идёте? – спрашивала его Ольга Ивановна в передней, глядя на него с ненавистью.

Он, морщась и щуря глаза, называл какую-нибудь даму, общую знакомую, и было видно, что это он смеется над ее ревностью и хочет досадить ей» (с. 23).

Болезнь и смерть Дымова, описанные в последней, восьмой части рассказа, даны с точки зрения Коростылева и Ольги Ивановны. Мнение

Коростылева сначала представлено в форме потенциально возможного его диалога с докторами в авторской речи, а затем он высказывает своё мнение прямо Ольге Ивановне.

«Спросили бы они Коростылева: он знает всё и недаром на жену своего друга смотрит такими глазами, как будто она-то и есть самая главная, настоящая злодейка» (с. 28).

В присутствии Ольги Ивановны и других докторов в конце рассказа Коростылев произносит монологическую реплику, в которой он оценивает своего друга как большого учёного и жалеет о том, что ему приходилось много работать, «чтобы платить вот за эти... подлые тряпки», обвиняя таким образом жену в смертельной болезни Дымова. Реакция последовала только со стороны присутствующих людей, представленных неопределённым местоимением «кто-то».

«Коростылев поглядел с ненавистью на Ольгу Ивановну, ухватился за простыню обеими руками и сердито рванул, как будто она была виновата.

– И сам себя не щадил, и его не щадили. Э, да что, в сущности!

– Да, редкий был человек! – сказал кто-то басом в гостиной» (с. 30).

Ольга Ивановна же только в этой ситуации стала понимать, кого она теряет. Но это осмысление А.П. Чехов вновь представляет в «духе» героя, поскольку «она поняла, что все они видели в нем будущую знаменитость». Она теряла знаменитость, что было так важно для неё. А.П. Чехов включает предметы окружающего Ольгу Ивановну пространства в осмысление ситуации, приписывая им потенциальную реплику, значение которой подчеркивает понимание героиней смерти не мужа, а знаменитости.

«Стены, потолок, лампа и ковер на полу замигали ей насмешливо, как бы желая сказать: “Прозевала! прозевала!”» (с. 30).

Войдя в комнату, в которой лежал умерший муж, Ольга Ивановна хотела объяснить ему свою ошибку, заключающуюся в том, что она поняла, что муж необыкновенный человек, т. е. человек того круга, перед которым она благоговела и который был ей так дорог. Эта потенциальная реплика дана в авторской речи. Точка зрения на миропонимание не меняется, изменилось только понимание роли умершего мужа, который мог бы быть включен в круг знаменитостей.

Речь персонажей и её организация (персонифицированный диалог, неединичный диалог, одиночные реплики, монологические реплики, потенциальные реплики, реплики, приписываемые предметам) формируют в сознании читателя мир персонажей рассказа. Ольга Ивановна включена в общение со всеми персонифицированными и неперсонифицированными персонажами рассказа, формы общения отражают динамику её взаимоотношений с персонажами и представляют в то же время её неизменяющееся миропонимание.

Литература

Валимова Г. В. Языковые средства создания образа в рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» // А.П. Чехов – великий художник слова. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1960. 263 с.

Громов М. П. Портрет, образ, тип // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 142 – 162.

Катаев В.Б. «Попрыгунья» // А.П. Чехов. Энциклопедия. М.: Просвещение, 2011. 696 с.

Кожевникова Н.А. Стиль Чехова. М.: Азбуковник, 2011. 486 с.

Нефёдова Т.П. Заглавие как выражение авторской позиции в рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья» // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2009. № 4. С. 122 – 125.

Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 290 с.

Чехов А.П. Попрыгунья // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М., 1974 – 1984; Т. 8. С. 7 – 31.

References

Valimova G. V. Yazykovyye sredstva sozdaniya obraza v rasskaze A.P. Chekhova «Poprygun'ya». *A.P. Chekhov – velikiy khudozhnik slova*. Rostov n/D., Rostizdat, 1960. 263 p. (In Russian).

Gromov M. P. Portret, obraz, tip. *V tvorcheskoy laboratorii Chekhova*. M., Nauka, 1974, pp. 142-162. (In Russian).

Katayev V.B. «Poprygun'ya». *A.P. Chekhov. Ehntsiklopediya*. M., Prosveshcheniye, 2011. 696 p. (In Russian).

Kozhevnikova N.A. *Stil' Chekhova*. M., Azbukovnik, 2011. 486 p. (In Russian).

Nefyodova T.P. Zaglaviye kak vyrazheniye avtorskoy pozitsii v rasskaze A.P. Chekhova «Poprygun'ya». *Izv. YuFU. Filol. Nauki*, 2009, no. 4, pp.122-125. (In Russian).

Chudakov A.P. *Poetika Chekhova*. M., Nauka, 1971. 290 p. (In Russian).

Chekhov A.P. Poprygun'ya. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t.* M., 1974 – 1984; Т. 8, pp. 7-31. (In Russian).

Natalya V. Izotova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Speech Behavior as Characters' World Image in A.P. Chekhov's Story "Grasshoper"

The speech of the characters in the story is organized in the text space by different structures that form an idea of the world outlook of the characters. Communication of the main character with the circle of her acquaintances is framed in the author's speech in the form of multiple dialogues on the same topic with non-personified characters in the circle of celebrities. Communication of the main character with Dymov and Ryabovsky is arranged in the form of dialogues of canonical structure, in which real or possible cues of characters are represented, which is typical of graphic text. Communication reflects the dynamics of the relations of Olga Ivanovna with her husband and an artist. The world of characters is presented also by single, potential, monologue cues.

Key words: *communication, personalized dialogue, multiple dialogue, single cues, monologue cues, potential cues.*

Natalya V. Izotova – Ph.D. of philology, professor of the Russian language dpt. Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication. Southern Federal University. Phone: +7-903-406-90-84; e-mail: nvizotov@yandex.ru